

Поворот к биологии — что это?

(Семинар секции социологии науки и технологий Санкт-Петербургской ассоциации социологов, 23 апреля 2016 г.)

Секция социологии науки и технологий Санкт-Петербургской ассоциации социологов продолжает экспериментировать с форматом мероприятий. 23 апреля 2016 года прошел семинар «Поворот к биологии — что это?», который собрал на площадке Центра независимых социологических исследований представителей разных научных и дисциплинарных областей, связанных с вопросами биологии на стыке с социально-гуманитарным знанием. Семинар был заявлен как обсуждение «биологического поворота» в исследованиях науки и технологий, и в частности, того, какое влияние науки о жизни оказывают на социальные процессы и их изучение. В центре дискуссии оказались проблемы биотехнологий и особенности биомедицины, возможности биополитики и вопросы биоэтики. Задачей семинара организаторы видели междисциплинарный обмен мнениями и экспертными комментариями, а также обсуждение перспектив совместных исследовательских и просветительских проектов. В первой части семинара приглашенные эксперты представляли свои исследовательские интересы и потенциальные вопросы для дискуссии, которая состоялась во второй части. Предлагаем вниманию читателей выступления экспертов: Дмитрий Гусев (преподаватель, сотрудник кафедры этики СПбГУ), Антон Тихонов (научный директор Organic Vaccines), Вероника Лапина (магистр критических гендерных исследований, Central European University; PhD candidate Европейского университета в Санкт-Петербурге), Александр Ефремов (научный сотрудник ФГБУ «ИЭМ», куратор программы «АртБиоЛаб» в Музее звука), Юлия Смирнова (научный журналист, «Наука и жизнь»), Ольга Мельникова (социолог, научный сотрудник Центра Policy Analysis and Studies of Technology, Томский государственный университет).

Дмитрий Гусев: Я не занимаюсь биоэтикой и практически не знаю в Санкт-Петербурге людей, которые ей занимаются. В Москве знаю двух человек, которые серьезно занимаются биоэтикой. Может быть, в России есть еще пара человек. Это меня немного оправдывает, если я скажу какую-либо глупость.

Начну с того, что было недавно. В четверг я читал лекцию по этике в сфере биоарта, это был любопытный опыт. Ключевой задачей, как мне изначально показалось, было обоснование, что такого этика «нашла» в биоарте и биотехнологиях. В процессе подготовки лекции я пришел к тому, что это не этика что-то там ищет, а сами биотехнологии оказались вовлечены в этический дискурс в искусстве. Биоарт, как некоторая реакция искусства на появление биотехнологий, стал своеобразным индикатором, который изначально находится больше в зоне этики, чем в области «био» и «биотехнологий». От этого я хотел бы оттолкнуться, потому что на первый взгляд кажется, что сложившееся биоэтическое направление хорошо известно и достаточно давно существует. Есть даже «звезды» в этой области: начиная от философа Peter Singer и заканчивая Ruth Chadwick, которая возглавляет в Великобритании Центр экономических и социальных аспектов геномики. Фактически поле биоэтики сформировано, есть в целом сложившийся теоретический и исследовательский ландшафт. К биоэтике вопросов нет, и обосновывать, зачем она существует, не нужно. С ней все ясно: есть технологии, есть некоторый ответ.

Однако если выходить за рамки биоэтики в зону прикладной этики, этики теоретической, то складывается странная ситуация, когда, несмотря на видимую фундаментированность и автономность биоэтики, выясняется, что вся современная этика (я могу ошибаться, и коллеги меня поправят) — про биотехнологии и то, что мы называем «био», и то, что мы к нему относим. Это так за вычетом каких-то эксклюзивных вещей, например каких-нибудь профессиональных этик, которых не очень много.

В этом контексте все прикладные этики можно рассматривать как своеобразные — будем использовать биологические метафоры — мутации или ответвления собственно биоэтики. Когда о прикладных этиках говорят сейчас, или когда в 1990-е годы отечественные специалисты в ИФ РАН начинали заниматься прикладной этикой, или сегодня о ней пишут западные коллеги, то это все-таки именно этика живых систем. Любой этический разговор сейчас строится вокруг разговора о живом. Возьмем для примера такое не очень известное направление, как «этика войны» и «этика военных действий». Мы говорим не о справедливости войны и других глобальных вопросах, а о том, как людей убивать, как не убивать, как и что делать с гражданскими во время военных действий и т. д. Вся эта дискуссия фактически о биоэтике, то есть о том, как мы интерпретируем субъект, какими правами его наделяем, из каких ценностей исходим. В рамках этого рассуждения мы и выстраиваем ту этическую перспективу, которая используется при разработке оружия.

По сути, некоторое живое начало стоит в основе современной этики. Если обращаться к различным направлениям прикладной этики, начиная с самого известного — экологической этики, и заканчивая этикой права, все равно речь идет о том, как мы пытаемся конституировать живой субъект, что мы присваиваем ему, и о том, как мы интерпретируем политический и социальный субъект, используя биологические предпосылки.

Мы наблюдаем сейчас дискуссии о судьбе и роли феминизма, дискуссии о различных социальных движениях. В итоге они тоже упираются не в социальное прочтение субъекта, а главным образом в его биологическое прочтение. И когда такие дискуссии доходят до определенного момента, то возникает вопрос о биологической составляющей субъекта. Подытоживая и обобщая то, что сейчас было сказано, я хотел бы предложить следующий тезис. Не только и не столько в узких и специализированных биологических и биоэтических направлениях мы говорим об этике живого, о понимании того, чем является человек и живая сущность. Мы вынуждены обращаться к идее живого во многих совершенно неожиданных смежных областях. Текущий дискурс, по крайней мере, с точки зрения этики, перерождается в дискурс о неких живых сущностях (*living entities*). Используя такую терминологию, мы можем говорить о многих вещах эффективнее и эффектнее, чем позволяет их собственный дискурс. Таков взгляд со стороны этики.

Антон Тихонов: Я занимаюсь биотехнологиями, работаю в компании, которая разрабатывает лекарства. А до этого я был в фундаментальной науке, работал молекулярным биологом. Я буду говорить о биомедицинском аспекте, который мне кажется очень интересным. Повестка заседания была сформулирована так: как биология вторгается в нашу жизнь. Собственно, про это я хотел рассказать — каким образом она вторгается и что именно она меняет. Биология, которая изучает организмы целиком, такая биомедицина, фундаментальная медицина, изучает свой объект, исходя из очень интересных предпосылок, которые она не замечает, пото-

му что это уже рутинный способ изучения. А именно — организм воспринимается биомедициной как некий квантовый объект, «черный ящик», который реагирует на внешние воздействия вероятностным образом. Но предсказать, какой именно будет реакция, мы не можем. Из-за этого у биомедицины очень интересный способ изучения своих объектов — это эмпирические эксперименты на больших выборках. Это происходит оттого, что у биомедицины нет общей теории того, как работает человек. Человек — слишком сложная система, и поэтому этот способ изучения вынужденный. Это единственный легитимный способ получения биомедицинского научного знания. По-моему, это перестает быть изолированной историей, и биомедицинский способ мышления очень сильно вторгается в другие науки и понимание того, как работает организм в узком смысле. В более широком смысле — так мы изучаем любые большие системы.

Мне кажется, что все мы склонны к восприятию своего тела как механистического и предсказуемого объекта. Откуда берется конкретность в рецептах, например? Есть пожелание, что воздействия будут приводить к повторяющемуся результату, и работать для одного человека так же, как для другого. Диетические рекомендации, правила того, как заниматься в тренажерном зале. Если обратиться от народного восприятия к научной диетологии или к научной спортивной медицине, то там градус уверенности падает на несколько порядков. Что говорит американская ассоциация диетологов по поводу того, как правильно питаться? Это очень скромные рекомендации, где нет ничего про витамины или информации из общественного восприятия этих проблем. Это знание биомедицины о том, что поведение человеческого организма совершенно непредсказуемо и установка, что мы изначально ничего не знаем о том, как работает организм, сейчас начинает входить в общественную дискуссию.

В американских хипстерских медиа тема клинических испытаний, которая сегодня является главным способом добычи биомедицинских данных, широко муссируется. И в итоге наше восприятие здоровья меняется от конкретно предсказуемо объяснимого до «мы ничего не знаем». По-моему, это важная интересная тема. С другой стороны, у нас отнимают удобный такой ментальный научный костыль: удобно знать, где ты простудился, чтобы в следующий раз там не простужаться; неудобно знать, что если у вас болит спина, то современная наука не знает, что с вами делать, потому что она не знает. Эти неудобные знания начинают распространяться по популяции, и все начинают оперировать вопросами вроде: «а какие ваши данные, проводили эмпирический эксперимент?». Это не только про здоровье, а про любые сложные системы. Я биолог, но вижу другие вещи: как работают в психологии, когнитивных исследованиях — там делают то же самое: исходят из того, что «мы ничего не знаем, давайте проведем эксперимент». Другие науки начинают «переползать» в сторону такого производства знания.

Вероника Лапина: Я не определяю себя через принадлежность к какой-либо дисциплине. Хотя, я, наверное, уже давно не социолог, скорее квир-теоретик. И то, о чем я хочу поговорить, имеет две стороны отношения с материей, материальным и всем тем, о чем сейчас мы разговаривали. Во-первых, меня интересует теория аффектов. Это совсем новое направление: аффекты и их политический потенциал. Когда мы говорим об аффекте и аффективности, мы говорим о новом повороте к материальности. Теоретики и практики внушали, что все есть социальный конструкт, и ничего за этим социальным конструктом нет. Но поворот к телу

и к аффекту говорит о том, что у нас есть что-то досоциальное, биологическое, и это то, с помощью чего людьми как массой можно управлять. В этом смысле мне очень интересна политическая подоплека аффектов, политический потенциал аффекта — как с помощью эмоций, сращенных с коллективным оплакиванием, потерей национальных тел, строится национальная принадлежность и националистические проекты. Почему я всегда начинаю с аффекта? Несмотря на то, что это теоретическое знание, это тоже поворот к материальности, который происходит в современной философии, в частности квин-теории. Мы здесь говорим о телесных опытах, об эмоциях, я сама стараюсь акцентировать внимание на «стыде» и продуктивности именно этого аффекта. Не стоит думать, что поворот к биологии происходит только с развитием биотехнологий, медицинских опытов, новых гаджетов и киборгизации.

С другой стороны, то, что меня интересует, это биополитика и связь биополитики с современными технологиями. Очень хорошо то, о чем Антон говорил, — мы берем большие выборки и строим средние статистические значения по этим выборкам, потом этими цифрами оперируем на уровне повседневности, они переходят в разряд обыденного. И мы забываем, порой намеренно, о том, откуда эти числа возникают: 25 лет, 10 000 шагов, 1500 ккал. Мне интересно, как политика работает со статистикой и как тело становится биополитическим объектом, как население становится биополитическим объектом, как человек переходит в массифицированное население. В этом ключе у меня есть проект, скорее лекционный пока, как современные гаджеты, такие как фитнес-трекеры, различные приложения, позволяют нам с помощью технологий бинарного кода контролировать свое тело и поведение, создавая добровольного биополитического субъекта нового образца. Есть даже движение такое — *quantify yourself*, в рамках которого люди включаются в практики «заботы о себе», регистрируя все, что только можно. В современном обществе — в обществе индивидов, закрепощенных в бинарном коде, — биополитические практики и режимы сращиваются и оказывают (для многих незаметные, но очень значимые) трансформации. Мне интересно, как потенциально может возникнуть новый виток евгеники, как, включаясь в киборгизацию, вовлекаясь в использование технологий, мы производим новый дискурс нормальности/ненормальности только потому, что это весело, прикольно, интересно, модно? Потому что это нам продают. Как мы производим правильное тело, новую норму? Мне очень интересно проводить мыслительные упражнения по поводу того, что может произойти в дальнейшем, то есть в недалеком будущем, через 10–20 лет. Мне интересно, к чему нас может привести наша закрепощенность в технологиях, в коде, то, как наше здоровье/нездоровье трансформируется в бинарный код. Например, когда Apple представляет свои технологии Research Kit и Care Kit, они говорят очень часто о работе с социально значимыми болезнями, заявляя, что мы хотим получить более здоровое общество. Но остается непонятным, что представляет собой «более здоровое общество», что такое вообще категория здоровья. Часто говорится об Альцгеймере, о диабете, потому что это очень большая проблема для общества в США. Но если детально рассмотреть список болезней, там есть ВИЧ, а это всегда было и остается маркером сексуальности. Любое оперирование социально значимыми болезнями всегда приводит к социальному исключению. И когда вы — добровольно, для удобства — вносите персональные данные, данные своего тела во все эти множественные коды, то какова вероятность того, что это не обернется

против вас? В какой момент big data станет достоянием общественности? Это те вопросы, которые я себе задаю, и мне становится немного не по себе от тех ответов, которые приходят в голову. Как будто снова читаешь тексты по истории евгеники в США 1920-х годов. Потому что практики становятся более технологичными, но подоплека этих практик — общая. Мне кажется, что очень важно об этом думать и важно понимать, какой потенциал за всеми этими технологиями стоит. Мне хочется, чтобы у людей, которые занимаются разработкой этих вещей, был какой-то социальный компонент, чтобы это было не «мы создаем машины для того, чтобы улучшать наше общество», а чтобы они понимали, во что мы можем превратиться и уже превращаемся. Об этом я хочу поговорить сегодня с вами: биологами, медиками, социологами. Спасибо.

Александр Ефремов: Я биолог, научный сотрудник Института экспериментальной медицины. Но постепенно я становлюсь биологом-рenegатом. Сейчас делаю проект, который называется ArtBioLab, в Музее звука, который как раз посвящен не столько биологии, хотя так или иначе с биологами и психологами мы встречаемся. Он скорее посвящен science-art'у, bio-art'у — той области искусства, которую чуть позже определим, которая так или иначе взаимодействует с наукой и биологией. Я хотел говорить про science-art, про bio-art, про эти практики, которые находятся на стыке между биологией, научным знанием, гуманитарным знанием.

Начнем с определения. Оказалось, что никто не может определить, что такое science-art, что такое bio-art, потому что у всех есть определение, которое очень хорошее, точно работает, а оказывается, что по факту не работает. Я дам очень общее, потом более узкое, и где-то между двумя этими определениями мы будем находиться. Более общее определение то, которое предлагает нам Википедия. Bio-art — это область современного искусства, которая работает с живыми организмами. Второе, более узкое, которое мне больше нравится, использует термин «техно-биологическое искусство» — это направление современного искусства, которое так или иначе работает с научной методологией, научным мифом и пытается с этой областью наладить диалог. Я попробую сейчас объяснить, почему у биологов должен быть интерес к этой области, и почему это важно для налаживания контактов между биологами, социологами, другими гуманитарными исследователями, философами.

Наверное, надо опять погрузиться в историю, причем не столько историю биологии, сколько историю искусств. Есть такой «прадедушка» science-art'a — Edward Steichen, фотограф достаточно известный. Он стал дедушкой bio-art'a потому, что в свое время для персональной выставки в MoMA (для художника даже в 1930-е годы — это вершина карьеры) занялся выведением новых сортов дельфиниума. Steichen вывел сорт, официально сейчас есть один зарегистрированный. Вся выставка — букеты цветов, которые он вывел. Почему эта практика мне кажется важной? Это хороший пример того, как биология и гуманитарные исследования могут пересекаться. Дело в том, что Steichen очень интересно объяснял, почему фотография — это прекрасно. У нас есть понятие об оригинальном произведении искусства — серьезная живопись, которая в единичном экземпляре, уникальный шедевр, который себе могут позволить не все. Если мы имеем дело с фотографией, это изначально копиянный жанр: каждый может себе повесить очень хорошую фотографию, и она будет стоять ровно столько же, сколько и плохая фотография, потому что этот жанр копиянный, можно сделать много копий. Продолжая эту логику, Steichen

доходит до того, что фотография — это здорово, но есть гораздо более адекватный жанр — это живые организмы. Что мы можем делать цветки — за 10 центов каждый может купить пакетик этих семян и выращивать у себя на приусадебном участке произведения искусства, более того модифицировать их под себя. Это не просто копийный жанр, но еще и имеющий потенциал к кастомизации, то есть подстройке под конечного пользователя. Соответственно, мы приходим к простому тезису, что в рамках bio-art'a очень легко рассматривать живые организмы в разных уровнях как медиа и применять к ним те правила, которые можем применять к media-art'у и другим исследованиям медиа.

Вторая история, которая мне тоже кажется достаточно важной, — это работа не прадедушки, а дедушки bio-art'a — художника Joe Davis. Очень интересный художник, один из самых важных художников XX века, на мой вкус. Я расскажу про одну его очень старую работу, которую он начал в 1980-е в разных модификациях, до ума довел в 1990-е. Она называется Microvenus. История началась с того, что Davis понял, что на золотых пластинах, которые мы послали за пределы Солнечной системы, есть вопиющая несправедливость в виде некорректного анатомического рисунка женских половых органов. Дальше его деятельность на протяжении последующих 20 лет направлена на то, чтобы эту некорректность исправить и донести возможным инопланетянам правильное послание. Он пытался это доносить очень разными способами, пытался это делать с помощью радиотрансляции и понял, что это плохая идея потому, что радиосигнал очень слабый. Joe Davis решил использовать живые организмы. Он честно признается, что не первый придумал, что это возможно. Идею о том, что информацию можно копировать в виде последовательности кода живых организмов, высказывали советские физики. Тем не менее, он сделал небольшую последовательность ДНК, которая была на самом деле кодом с ключом. Там очень сложная система шифров, последовательность примерно в 20–30 букв нуклеотидов ДНК в кишечной палочке. Это результат его работы. Подчеркиваю, он использовал живые организмы как носителей для передачи сообщения. Несмотря на то что Davis решал совершенно другие задачи, он оказался одним из пионеров направления на стыке биологии и информатики — это хранение баз данных в виде ДНК. Недавно была новость про пробирочку ДНК, в которой песенку очередную зашифровали. На самом деле эти исследования начались лет 10 назад, почти сразу после того как Davis закончил свои бактерии. Началась волна биологических работ, они сначала на Davis не ссылались, просто показывали эту возможность, делали ровно то же самое. Но Davis это делал как элемент художественной работы, элемент научного исследования. В конце концов, более поздние работы, которые появились уже в 2010-х годах, часто ссылаются на Davis как одного из пионеров.

Я выбрал эти примеры, потому что они очень понятные, ограничивают, как художники могут работать с живым материалом, с одной стороны. С другой стороны, видно, что если мы занимаем определенную точку зрения или определенным образом настраиваемся, мы понимаем, что методология и художников, и ученых может быть очень похожа. За счет преимуществ того или иного взгляда мы можем получать какие-то новые знания, новый опыт, который мне, безусловно, кажется важным. И, более того, как мне кажется, это хорошая площадка для совместных исследований естественных наук и наук гуманитарных. Спасибо.

Юлия Смирнова: Я научный журналист, работаю в журнале «Наука и жизнь». Два года была заместителем главного редактора журнала «Санкт-Петербургский университет», и сейчас тоже вовлечена в ряд научно-популярных проектов. По образованию я биолог, поэтому все, что связано с биологией, входит в круг моих профессиональных интересов, но ей не ограничивается. И хотя мы сегодня говорим о повороте к биологии, я думаю, что у нас последние несколько лет наблюдается поворот к науке вообще. К знанию, которого почему-то не хватает, наверное, со школьных, университетских времен. Предположим, человек выходит из той среды, где знания каждый день вдалбливаются, и он может уже ничего не учить, ничего не узнавать, и заниматься тем, чем он хочет заниматься. И почему-то сейчас оказывается, что ему чего-то не хватает. И если сузить до биологического знания, то биология, в конце концов, все равно упрется в физику, в химию, в космологию, в социальные науки. Если взять любое исследование, любой биологический проект, то все равно он где-то с чем-то соприкасается.

Сейчас в большой моде междисциплинарность, и дело не только в моде, а в том, что масса всего интересного происходит на стыке совершенно разных вещей. Поэтому и биологам, и небологам очень важно и нужно быть в курсе всего, что происходит вокруг. Не отгораживать себя и свою жизнь высоким забором от того, что происходит в окружающем мире.

Биология и медицина, все, что связано с живыми сферами, науки о жизни, описывающие все живое, — это прекрасный, на мой взгляд, способ и путь донесения до людей информации, научной, научно-популярной, которая на первый взгляд с ними непосредственно никак не связана. Человек эгоистичен, и, прежде всего, ему интересно все, то, что касается его самого или того, что ему интересно. Если начать рассказывать о том, что происходит на другом конце света с какой-нибудь букашечкой, и то, что происходило миллионы лет назад, — это мало кому интересно. Если же найти способ связать то, что происходит на другом конце Земли с тем, что имеет отношение к тебе лично, то тут уже начинаются другие истории. Это та работа, которую мы, научные журналисты, проделываем, когда какие-то научные исследования касаются узкой области, например изучение какого-то гена. Если ученый закончит свою пламенную речь на том, что он изучил конкретный ген, то это интересно его коллегам, соавторам статьи. Если он начнет дальше говорить о том, что этот ген нужно изучать и что это самое важное, что есть на белом свете, потому что он отвечает, допустим, за диабет, то это делает его интересным уже гораздо более широким кругам. Человеку, который заинтересуется тем, что касается непосредственно его, диабетика, допустим, станет интересно, и он пойдет по ссылкам и, в конце концов, упрется в теорию большого взрыва. Я не про сериал, а про физику. Хотя сериал — это тоже хорошо. И тоже отличный, кстати, пример популяризации науки.

Мы сейчас здесь это обсуждаем, нам всем это интересно, но часть моей деятельности связана с тем, что я веду в социальных сетях аккаунты журнала «Наука и жизнь». Я раньше никогда не думала, что читатели научно-популярного жанра такие разные. Это для социологов непаханное поле. Я понимаю, что во все времена была категория людей, которые звонили в «Спортлото», потому что все врут, а они запустили вечный двигатель. С распространением Интернета, когда уже не нужно куда-то звонить или писать бумажное письмо, можно просто написать пару слов и делиться с миром своим сакральным знанием, такое ощущение, что таких людей

стало больше. Мы думаем, что современная наука очень смутно себе представляет, как работает человек. Но есть очень много людей, которые точно знают, к какому месту нужно прикладывать корень солодки, притом не только им самим, а всем. Это тоже часть общества, это люди, которые, в том числе, принимают решения, занимают руководящие посты, но у которых с критическим мышлением, наверное, не очень хорошо. И мне становится немножко не по себе, потому что никогда не знаешь, что в голове у человека.

С одной стороны, от биологии легко перейти не только в физику, но даже в психиатрию, к диагнозам. Поскольку людей, в первую очередь, интересуют они сами, то все, что пишется на тему биомедицины, вызывает самый бурный отклик, потому что про физику как-то кто-то где-то слышал, но это не пользуется популярностью. А про биологию и медицину всем кажется, что все все знают, знают, кого чем лечить. Все знают, как играть в футбол и как управлять страной. Поэтому социальные сети, в частности аккаунты «Науки и жизни», — это такая лакмусовая бумажка, чтобы понять, что вообще люди из себя представляют. Иногда возникает такое ощущение, что все, что ты делаешь, сваливается в какую-то «черную дыру» и там падает, куда-то отскакивает. Может быть, где-то в этой дыре есть дно и когда-нибудь мы проснемся в прекрасном обществе, где все люди будут критично смотреть на жизнь, друг на друга.

Ольга Мельникова: Я научный сотрудник центра Policy Analysis and Studies of Technologies (PAST-Centre) в Томском государственном университете, партнерского центра ЕУСПб. Мы являемся центром, который пытается развивать science and technologies studies. Я занимаюсь социальными исследованиями медицины, по большей части, то есть собственно биологический поворот для меня является новой областью. Для меня интерес представляют социологический взгляд на эту тему и вопросы, которые рассматриваются в социальных науках.

Первый возникающий у меня вопрос — что такое биологический поворот? Можем ли мы вообще о нем говорить? Мы знаем, что социология вырастает из биологического поворота: Herbert Spencer рассматривал общество как организм; статистическая обработка данных заимствована из естественных наук, и в том числе с оглядкой на биологию, мы понимаем, что социология вырастает во многом из этого. В XX веке идеи появляются из анализа соответствующих профессиональных сообществ, из обращения, в том числе, к вопросам телесности, ставится вопрос о возможности познания тела как оно нам представлено. Есть подходы, которые появляются в конце 1970—1980-х годов, в 1990-е развиваются идеи, связанные с феминистской критикой Donna Haraway, киберфеминизмом, трансгуманизмом, которые во многом перекликаются с этими традициями и задают вопросы о границах человеческого и человеке.

Биологический поворот кажется проблематичным: с одной стороны, мы можем найти очень много сюжетов, когда исследования биологии и медицины являются интересными, но с другой стороны, действительно ли эти исследования дают приращение знания в социальных науках или альтернативные кейсы могли бы дать релевантное знание и развитие? Можем ли мы обозначить это как поворот или же эти исследования не являются одним направлением, которое можно было бы назвать поворотом? Социальные исследования фокусируются на темах здоровья, телесности и их производстве.

В рамках социальных исследований интересна тема принятия знания как истинного. Есть проблема неопределенности среди профессионалов, которых Harry Collins описал как «core set»: исследователи, среди которых происходят дискуссии, проблематизация некоторых областей знания, особый язык. Для представления этого знания как истинного для публики необходимы посредники. Социальные исследования позволяют лучше понять проблематичность истинности знания, связанную с социально-политическими причинами развития тех или иных областей, языка науки и ее методов. В исследованиях клинических испытаний авторы не только рассматривают правила проведения исследований, властные отношения в глобальном мире, показывают контексты производства клинических исследований, их качества, верификации, но ставят вопрос о проблеме соотношения биологических особенностей и специфике здоровья участников исследований и потенциальных реципиентов. Так, слабая доступность медицинской помощи определяет тех, на ком проводятся исследования, на ход исследований может оказывать влияние специфика локальной культуры. Все это имеет последствия для дальнейшей стандартизации, фармацевтических разработок и в итоге здоровья.

В рамках биологического поворота могут рассматриваться идеи биоэтики. И здесь возможно увидеть проблему универсальности полученного в клинических испытаниях знания. Возникают вопросы, например, в области здоровья беременных женщин, детей, которых «доводят», «доращивают» до стандартного состояния, в котором к ним можно применить препараты и подходы, доказанные клиническими испытаниями. К вопросам биоэтики относится и тема возможности проведения экспериментов, в том числе на животных. В некоторых странах обсуждаются ограничения повторного использования животных, а также возможности апробации препаратов на детях. Для исследователей это проблема выявления факторов, влияющих на результаты испытаний препаратов.

Отдельной темой являются современные идентичности. В случае зависимости жизни от включения или отчуждения технических элементов, элементов взятых у животных или у другого человека, является ли человек тем же? Проблемы, связанные с границами и человеческой жизни, также предмет обсуждений. Одна из самых известных — это дискуссия о смерти мозга и критериях смерти человека, которая с 1970-х годов проводилась в нескольких западноевропейских странах и Японии. Charis Thompson приводит пример вспомогательных репродуктивных технологий и рассматривает их как особую область сортировки священной человеческой жизни и биологических отходов, различения жизни и смерти. Это рутина ежедневной работы института, реализации научного знания. Сегодня критерии жизни и смерти различаются в разных странах, и эта тема выходит далеко за пределы медицинских дебатов, находится на пересечении биологического и социального.

В социально-экономическом и правовом ключе рассматривается тема собственности на биологические органы, на ткани, уникальный генетический материал. Появляется понятие «биопиратство», возникают проблема теневого рынка и модификации человеческих органов и вопросы регулирования отношений собственности. Донорство — одна из таких тем. В России недавно была общественная дискуссия о том, должно ли быть донорство крови бесплатным или же оно должно быть оплачиваемым. Проблема понятна в контексте исследований Marcel Mauss: должны ли эти ткани быть даром или обменом? Такого рода отношения ставят

вопросы об анонимности донора и реципиента, статусе донора как пациента, и они совершенно по-разному регулируются в разных странах и влияют на результат донорства и качество жизни.

Во второй части семинара слушатели предлагали к обсуждению вопросы: что такое биология и биологическое; каковы риски поворота к биологии; как определять экспертность и псевдо-экспертность; как производится экспертное мнение, в чем состоит проблема доверия; делают ли эксперименты живые организмы машинами для производства данных; как возможна биоэтика неживых систем; какова медицина за пределами системного знания и как происходит управление болезнями; как институционализируются организации (например, Красный Крест) или болезни (например, аутизм); откуда возникает проблема стандартов; как «неудобное» знание становится «удобным», и др. И хотя дискуссия сосредоточилась на нескольких вопросах, спектр поднимаемых проблем показал, что заданная тематика вызывает действительно широкий интерес исследователей из разных научных областей. В результате было принято решение развивать формат междисциплинарных встреч, но с более специализированной и направленной постановкой проблематики. В дискуссии также принимали участие: Лада Шиповалова, Светлана Душина, Алина Контарева, Мария Митренина, Евгения Климовская, Анастасия Звоновская.

Материал подготовили к публикации
Екатерина Евсикова, Лилия Земнухова, Георгий Николаенко